

Идейные основания современной политико-правовой институциональной архитектоники стран Западной Европы и США

Н.Н. Равочкин

*Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия*

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия

nickravochkin@mail.ru

Автор рассматривает идейные основания политико-правовой институциональной архитектоники в странах Западной Европы и США и представляет ее структуру. Пристальное внимание уделяется роли социальных идей, развитию этой проблематики в современных научных направлениях. Автор уточняет принципы синтеза идеального и институционального и показывает три способа идейной детерминации политико-правовых институциональных установлений. Обосновывается взаимообуславливающий характер функционирования системы идейных каркасов и институтов управления.

Ключевые слова: идея, политико-правовой институт, институциональная архитектура, социальное преобразование, общество, исторический институционализм, конструктивизм, публичный дискурс, организационная среда.

Ideological foundations of modern political and legal institutional architectonics in Western Europe and the USA

N.N. Ravochkin

Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

Kuzbass state agricultural academy, Kemerovo, Russia

nickravochkin@mail.ru

The author examines the ideological foundations of political and legal institutional architectonics in Western Europe and the United States and presents its structure. Close attention is paid to the role of social ideas and the development of these issues in modern scientific directions. The author clarifies the principles of synthesis of ideal and institutional and shows three ways of ideological determination of political and legal institutional settings. The mutually conditioned nature of functioning of the system of ideological frameworks and management institutions is substantiated.

Keywords: idea, political and legal institute, institutional architectonics, social transformation, society, historical institutionalism, constructivism, public discourse, organizational environment.

С древнейших времен идеи формировали мировоззрение человечества, выстраивали систему ценностей, ценностных ориентиров, которые направляли развитие общества, политико-правовых институтов, регулирующих жизнедеятельность этого общества. Восприятие идей кардинально менялось на протяжении истории развития современного мира: идеи актуализировали кардинальные социально-политические изменения, в том числе революции (Великая французская революция), появление новых государств (например, США как государство было основано на идеях либеральной демократии) и, наоборот, воспринимались как пустые конструкции, как мертвые образования (еще в XIX веке). Сегодня не существует единства в восприятии и оценивании значения идей, их роли в вопросах формирования и реформирования политико-правовой институциональной архитектоники. Одни исследователи полагают, что идеи и сегодня определяют облик современного общества и государства, другие — наоборот, придерживаются концепции «смерти идей». Сложившееся противоречие требует разрешения, поскольку обусловлено необходимостью понимания, осознания роли идеи в процессах государствовоительства, в создании его политико-правовой основы, и отсутствием единства в восприятии и оценивании идей в научной литературе.

В истории европейских стран и США наиболее ярко, рельефно отображается влияние идей на становление и функционирование политико-правовых институтов. После победы идей Великой французской революции в большинстве западноевропейских стран произошли кардинальные изменения: построена либеральная демократия, сформирована политико-правовая институциональная архитектура, создан облик современного мира в целом. В отношении США следует отметить, что идеи либерализма и де-

мократии здесь были положены в основу формирования важнейшего политико-правового института — самого государства. Иначе говоря, исторический опыт строительства политико-правовой основы на этих территориях наиболее ярко показывает влияние идей на формирование их общественного облика и облика государства.

Ограничим хронологические рамки исследования периодом с 2000 по 2020 гг. Обращение к данному историческому времени обусловлено рядом факторов. Прежде всего, следует отметить, что после падения Берлинской стены и последующего распада СССР широкое распространение в западных странах получили идеи «конца истории». Падение СССР рассматривалось как крах идей коммунизма, идеи демократии и либерализма стали восприниматься как господствующие и, по мнению Ф. Фукуямы, их победное шествие по миру должно было привести к «универсализации» мира, превращению его в «гомогенное единое». Сегодня подобные утверждения уже не выглядят реалистичными: наряду с усилением глобализационных интеграционных процессов отмечается усиление оппозиционных трайбализационных¹ тенденций; идеи либеральной демократии встречают сопротивление как в отдельных странах, так и в регионах.

Кроме того, сегодня многие европейские научные школы, такие как неореализм, неолиберализм, конструктивизм и др., предлагают множество гипотез развития общества, государства, системы международных отношений. В основании научной школы, как правило, лежат те или иные идеи, причем позиции различных научных школ могут быть кардинально противоположными (неореализм — неолиберализм), что, в свою очередь, оказывает влияние на политику государства, приводит к формированию или обновлению политико-правовых институтов.

¹ См. например: Груздев В.В. Феномен трайбализма в государственно-правовой истории Африки // Мир политики и социологии. 2017. № 9-10. С. 79—82.

Например, Ф. Фукуяма принимал активное участие в политической деятельности страны, придерживался консервативных взглядов, был советником Рейгана². С. Хантингтон в течение многих лет занимался планированием стратегии безопасности при Совете национальной безопасности США, с 2001 г. его концепция столкновения цивилизаций была положена в основу внешнеполитической доктрины Америки [3, с. 65]. Иначе говоря, в основу деятельности отдельных политико-правовых институтов Штатов были положены кардинально противоположные идеи, что, в свою очередь, повлекло за собой усложнение политико-правовой институциональной архитектуры государства.

Подходы к пониманию идей и их влияния на политико-правовые изменения. Во второй половине XX века в научной картине мира, согласно зарубежной литературе, сформировались два кардинально противоположных подхода к пониманию значения идей для формирования государственных органов власти. Сущность первого подхода может быть сформулирована словами американского политика Э. Дирксена, который в 1964 г. в своем выступлении процитировал Гюго, заявив: «Сильнее всех армий — идея, время которой наступило» [10, с. 10]. Идея воспринимается как основа социальной инженерии, — основа формирования новых и обновления существующих политико-правовых институтов, методов оптимизации существования общества, государства, взаимодействия личности и общества, личности и государства. Второй подход к пониманию роли идей в государственном строительстве был сформулирован во многом под влиянием философии Постмодерна, с его разочарованием в возможностях справедливого государственного и социального устройства, основанного на идейном содержании. Все идеи подвергаются резкой критике, воспринимаются как

«пустой знак» (Ж. Деррида), «симуляция» (Ж. Бодрийяр), некий виртуальный текст, оторванный от реальности (Р. Барт) [4, с. 9]. Идеи, в понимании постмодернистов, «не могут быть объяснены через социальное, потому что ничто не может быть объяснено чем-либо еще» [1, с. 58].

К концу прошлого столетия очевидной стала несостоятельность второго подхода к пониманию роли идей. В конце концов, как отмечает Р. Либерман, именно идеи и желания людей облекаются в форму политических высказываний, именно желания и идеи формируют интересы, значения, интерпретации, оценку тех или иных событий, ложатся в основу поведения людей, влияя на развитие общества, функционирование политико-правовых институтов [17, с. 697—698]. Осознание значения идей для политики (или роли идей в политике) привело к увеличению численности научных работ, становлению нескольких научных подходов, направленных на изучение соответствующего фундамента, обосновывающего политические решения. Как отмечает О. Ю. Малинова, «обращение к идеям как значимой переменной в каком-то смысле было продиктовано ходом мировой политики» [2, с. 91], многочисленными геополитическими событиями, невозможностью социальных наук объяснить существенные изменения, с которыми столкнулся мир в конце прошлого столетия: «окончанием Холодной войны, коллапсом коммунизма, сближением мировых экономических и политических институтов на основании новой неолиберальной парадигмы, что сигнализировало о значительных идейных метаморфозах в большинстве мировых стран» [13, с. 276].

В конце прошлого столетия идеи в политике и обществе стали рассматриваться теоретически. Обозначим наиболее значимые теоретические подходы.

² Виноградова И. Фукуяма: Россия — государство сильное только в смысле применения силы [Электронный ресурс] // BBC NEWS (7. 11. 2016). URL: <https://www.bbc.com/russian/features-37897243> (дата обращения 21.09.2020).

1. Исторический институциональный подход как альтернатива неомарксизму, основы которого были заложены П. Холлом в 1993 г. [13]. По мнению автора, использование идей политическими акторами влечет за собой институциональные изменения, тогда идеи превращаются в парадигму. В свою очередь, парадигма представляет собой «совокупность идей и норм, которая определяет не только цели политики и инструменты, которые могут быть использованы для их достижения, но и саму природу проблем, которые они призваны решать» [13, с. 279].

Влиятельность идей заключается в их стабильности и возможности упорядочивать политические действия, приводить их к определенному шаблону. Трансформации, сдвиги политико-правовой институциональной архитектуры государств обусловлены накоплением аномалий, которые существующие и устоявшиеся идейные каркасы уже не способны объяснить и дать адекватные и удовлетворяющие население интерпретации, что характерно для кризисных, переломных моментов исторического развития. Вместе с тем идеи не имеют значительного влияния в периоды «нормального формирования политики» ('normal policy making'). Соответственно, институциональные изменения обусловлены не развитием отдельных идей, но заменой старых идей новыми.

2. Понимание идей в конструктивизме во многом основывается на институционалистском подходе. Один из ярких представителей данного подхода, М. Блайт, утверждает, что идеи имеют огромное значение в сложные, кризисные переходные моменты [6]. Во внекризисные периоды идеи служат целям стабилизации, а не трансформации существующих политико-правовых институтов [9, с. 598]. Сами идеи воспринимаются как стабильные образования, которые успешно реализуют ряд функций:

- a) снижение неопределенности;
- b) делегитимизация интересов;

c) согласование интересов акторов политико-правовых взаимоотношений [6, с. 34–44].

3. Advocacy Coalition Network theory: в рамках данной теории идеи, убеждения личности, составляют иерархическую структуру, которая включает идеи трех порядков:

a) a deep core of fundamental norms and beliefs — базовое, фундаментальное ядро норм и убеждений;

b) fundamental value priorities — фундаментальные политические приоритеты, позиции, которые используются для достижения фундаментального ядра идей — убеждений и ценностей;

c) secondary beliefs — вторичные убеждения и верования используются преимущественно для достижения политических целей. Сторонники этого подхода полагают, что идеи фундаментального ядра и фундаментальных политических позиций в меньшей степени подвержены изменениям. Главные изменения относятся к инструментальным, вторичным идеям, что приводит не столько к формированию, сколько к обновлению существующих политико-правовых институтов или переносу функций старых институтов на новые созданные институты [19; 20; 9, с. 598].

4. В «теории потоков» Дж. Кингдона идеи представлены как образования, которые свободно функционируют в общественном сознании, в политико-правовой сфере общества, противостоят друг другу и объединяются, причем при объединении выносятся на повестку дня в политике [16].

5. Н. Джабко полагает, что сила идей заключается не в их концептуальной согласованности, но в их гибкости. Усиление интенсивности несогласованности идей и политико-правовых институтов приводит к трансформациям последних [14, с. 36].

Как видим, научная литература дает ряд подходов к пониманию роли идей в трансформации общества, политико-правовых структур в системе государства: в рамках институционального и конструктивистского

подходов идеи воспринимаются как изменчивые сущности, которые возникают, существуют на протяжении определенного периода времени, эволюционируют в парадигмы, даже идеологии, а затем сменяются новыми. Представители Advocacy Coalition Network theory полагают, что меняются лишь идеи, отражающие характер инструментального достижения базовых и фундаментальных политических идей, убеждений. Стронники «теории потоков» также полагают, что идеи не меняются, они стабильны; свободно функционируя в общественном сознании, влиятельными они становятся лишь в определенной комбинации на определенном этапе исторического развития. Н. Джабко полагает, что трансформации политико-правовых институтов обусловлены несогласованностью, противостоянием идей и институтов.

Разумеется, указанными выше подходами понимание идей и их влияния на политико-правовые институты в социальном, государственном строительстве не ограничивается. Во многом столь выраженное различие подходов обусловлено самой их сущностью, тем фактом, что в политике и обществе они многомерны и сложны, что существенно затрудняет выработку единого подхода к пониманию самих идей, которые могут восприниматься исключительно как нечто идеальное, отвлеченное, существующее вне политики, общества — как «сеть взаимосвязанных компонентов значения» (1) [9, с. 600] или, наоборот, как эпифеноменальные образования, неразрывно связанные с материальными (структурными или институциональными) договоренностями (2).

Для реализации второго подхода идеи интерпретируются не как убеждения или ценности, но как определенная позиция, стратегическая манипуляция, направленная на продвижение определенных интересов, достижение поставленных целей [18; 17, с. 699]. Принимая во внимание выявленные особенности восприятия идей, все модели, теории их понимания можно следом за

Р. Либерманом свести к двум подходам: инструментальному и идеальному [17].

Между тем будем полагать оба указанных подхода максимально упрощенными, не отражающими сущности идей, поскольку идеи не могут быть сведены к стратегическим инструментам, как и не могут восприниматься как свободно существующие, плавающие «отрывки» знаний, убеждений — отделимо от общественного устройства, политики и права [17, с. 700]. Иначе говоря, идеи представляют собой сложные образования, создание (порождение обычно употребляется в негативном смысле) которых обусловлено и объективными факторами — уровнями социального, политического, правового развития на конкретном историческом этапе, — и субъективными, личностными факторами. Идеи не существуют отделимо от личности и общества: генерируясь в сознании одной личности, при выходе в социальную, политическую сферы они разделяются другими членами этого общества. Так идеи становятся влиятельным инструментом трансформаций социальных отношений. Применительно к сфере политики, идеи преобразуются в концепты или развиваются в теории об устройстве мира и о том, как мы должны действовать, чтобы решать проблемы и преодолевать несовершенство современного мира [8]. Сегодня актуален вопрос, когда именно, в каких ситуациях имеет место синтез идеального и институционального, идеи приобретают статус ведущих, прогрессивных, приводят к созданию или изменению политико-правовых институтов. Как было показано выше, большая часть исследователей сходятся на том, что идеи становятся влиятельным инструментом строительства государственных институтов в кризисные, переломные моменты истории.

В свою очередь, С. Хантингтон полагает, что идеи становятся движущей силой изменений, когда разрыв между идеалами и действующими политико-правовыми институтами особенно очевиден. В эти так называемые

периоды *creedal passion* американцы испытывают потребность в выработке ценностей, идеалов, потребность возвратиться к базовым идеям, положенным в основу строительства американского общества и государства, — идеям, которые были разделены большинством жителей западноевропейских стран.

Ученые выделяют три возможных способа влияния идей на изменения политико-правовых структур [5, с. 704—705].

1. Идеи участвуют в формировании политической повестки дня, выявляя наиболее значимые, актуальные проблемы, на разрешение которых должны быть ориентированы политико-правовые институты. Как полагает Дж. Кингдон, политические деятели, журналисты и общественность не могут одновременно сосредоточить свое внимание на всех существующих проблемах, что обуславливает необходимость сужения повестки дня. Идеи позволяют выявить наиболее значимые проблемы. Таким образом они принимают участие в социальном, политико-правовом конструировании, а именно в построении социальных, экономических, экологических, культурных и др. проблем [16].

2. Идеи могут принимать форму экономических или социальных концепций, которые либо служат целям легитимизации существующих политико-правовых институтов, либо бросают им вызов. Подобное понимание идей сформировано в логике исторического институционализма в работах П. Холла, тесно связано с пониманием идей как основы парадигм. В условиях неопределенности, в кризисные периоды развития общественность, ведущие политики обращаются к поиску альтернативных идей, которые становятся основой новой парадигмы и принимаются за основу при формировании или обновлении политико-правовых институтов.

3. Идеи могут стать мощным идеологическим оружием, которое позволяет «бросать вызов существующим институциональным механизмам и распределительным паттер-

нам, которые они закрепляют» [7, с. 4]. Идеи в этом случае закладываются в основу публичного дискурса, с целью убедить общественность, политиков в необходимости изменений, реформирования, и направлены на преодоление скептицизма одних и мотивацию других [11, с. 475].

Следовательно, идеи становятся средством выявления актуальных проблем, создания парадигм, служащих обновлению политико-правовых институтов, и средством формирования публичного дискурса в целях мотивации акторов к реформированию политико-правовой институциональной архитектуры государства.

Вместе с тем, как отмечает большинство исследователей, подобный подход к пониманию влияния идей на трансформацию политико-правовой архитектуры государства выглядит упрощенным, поскольку базируется на восприятии идей как статичных образований; однако идеи динамичны, они постоянно меняются вместе с социумом, в котором они существуют: «Идеи не настолько стабильны, как хотели бы политические ученые» [17; 9, с. 598]. Не стабильны и политико-правовые институты. Сами идеи не могут восприниматься как маятники, привязанные к тому или иному политико-правовому институту.

Разумеется, как полагает Р. Либерман, отдельные идеи, в частности идеи равенства и братства, имеют длительный жизненный цикл и могут определять границы, которые национальная политика вряд ли когда-нибудь пересечет. Однако идеи подобного уровня редко служат практическим руководством к принятию тех или иных политических решений, редко способствуют созданию конкретного, отдельно взятого политико-правового института [17, с. 702]. Более того, содержание даже таких базовых идей, как «свобода» и «равенство», может существенно меняться со временем.

Вернемся к лозунгу Великой французской революции «Свобода. Равенство. Братство».

Изначально понятие равенства подразумевало снижение социальной стратификации, разделение общества на *аристократию* и *других*. Сегодня понятие «равенство» используется преимущественно по отношению к различным видам меньшинств. Как видим, идея приобрела новые значения, новое содержательное наполнение.

Так же как идеи, политико-правовые институты находятся в состоянии постоянного изменения: одни были сформированы в глубокой древности, но и сегодня не утратили актуальности (например государство), другие просуществовали относительно недолгое время и ушли в прошлое (например рабство в США).

Логика рассуждения приводит к следующим выводам. Прежде всего, можно с достаточной определенностью сказать, что в основании содержания политико-правовых институтов лежат идеи. Идеи приводят существующую политико-правовую архитектуру в соответствие с представлениями об идеальном управлении обществом, идеальной социальной системе. Далее, и идеи, и политико-правовые институты постоянно изменяются, что не дает провести однозначную параллель между отдельной идеей и содержанием конкретного политико-правового института. Одна идея может быть принята за основу при формировании нескольких политико-правовых институтов. Например, идея «свободы, равенства и власти» привела к установлению либеральных демократий в их современном виде, к реализации принципа разделения властей и, как следствие, становлению судебной, законодательной, исполнительной ветвей власти. Аналогично, формирование одного политико-правового института может стать отражением нескольких идей. Например, электронное правительство, сформированное сегодня в большинстве мировых стран, зиждется на идее равенства, идеях гражданского общества, социального государства.

Структура политико-правовой институциональной архитектоники. Отсутствие единой, однозначной взаимосвязи между идеей и политико-правовым институтом применительно к политико-правовой архитектонике стран Западной Европы заставляет говорить (ставит проблему) о политико-правовом порядке, в структуре которого, следом за Р. Либерманом, можно выделить ряд компонентов и группировать их в три кластера:

1) первый кластер: управляющие институты, в том числе органы государственной власти (законодательной, исполнительной, судебной), бюрократия, международные и иные государственные институты;

2) второй кластер: организационная среда, включающая политические партии и партийные системы, негосударственные организации и организации, осуществляющие защиту тех или иных интересов определенных социальных групп;

3) третий кластер: идеологические и культурные репертуары, которые организуют и легитимизируют политико-правовой дискурс [17, с. 703].

Данные кластеры, формирующие политический порядок, во многом аналогичны иерархии идей, представленной в *Advocacy Coalition Network theory*. Причем третий кластер можно назвать фундаментальным ядром норм, это — базовые идеи, убеждения, которые формируют особенности не только политико-правовой системы, но и мировосприятия нации. К идеям этого уровня обращаются представители либеральных демократий в периоды *creedal passion*. Эти идеи более стабильны, устойчивы, имеют длительный цикл существования.

Фундаментальные политические позиции отражаются в формировании организационной среды, политических партий, негосударственных организаций, выполняющих функцию защиты ценностей фундаментального ядра. Политическая система западноевропейских стран складывалась столетиями и остается относительно устойчивой сегодня,

поэтому организационная среда является относительно стабильным образованием, однако она все же более гибкая, чем система ценностей ядра, чем фундаментальные ценности.

Управляющие институты находятся в состоянии постоянного изменения, реформирования: создаются новые органы, упраздняются существовавшие ранее. По сути, данные учреждения представляют собой инструментальные средства выражения фундаментальных политических позиций, основанных на фундаментальных идеях (убеждениях).

В связи с этим политико-правовая архитектура современных стран Западной Европы и США представляет собой сложное образование, в котором наиболее стабильный кластер составляют фундаментальные идеи, идеологические и культурные репертуары как основа национального мировосприятия, формирования организационной среды и органов власти (рис. 1):

Как иллюстрирует рисунок 1, в основании политико-правовой архитектуры лежат фундаментальные идеи и убеждения идеологических, культурных репертуаров, которые придают легитимность организационной среде и управляющим институтам государственного и международного уровня. Идеи как идеологические убеждения «соз-

даются, воспроизводятся и преобразуются в определенные практики», которые придают новые «значения физическим и социальным реалиям» [12, с. 44]. Идеи как ценности тесно связаны с нормами, которые «позволяют или запрещают различные действия (и инструменты)» [8], функционируют как своеобразные фильтры, которые обуславливают выбор тех или иных инструментов, формирование организационной среды, ее культурной специфики.

Все указанные кластеры взаимосвязаны и взаимообусловлены. С одной стороны, отдельные идеи становятся более влиятельными, когда ведущие игроки (политические партии, политические лидеры) принимают решение продвигать их. С другой стороны, при определенных исторических условиях идеи могут придать силы политическим акторам. Например, в 1960-х антирасистские идеи, идеи равенства, помогли тысячам чернокожих женщин мобилизоваться на борьбу с расовой дискриминацией посредством американской системы социальной помощи [5, с. 708].

Несмотря на то что организационная среда, в особенности органы управления, формируются в определенном культурном контексте под влиянием идеологического репертуара, несовершенство их функционирования

Рис. 1. Структура политико-правовой архитектуры современных стран Западной Европы и США

может привести к обратному движению — к регрессу организационной среды и фундаментального идеологического ядра. В качестве примера подобного изменения можно привести революции в разных странах мира. Восприятие деятельности институтов управления как несправедливой, а системы организационной среды как не отвечающей интересам общества приводит к формированию новых идей, отражающих обновленное видение социальной справедливости. В свою очередь, осознание несоответствия существующей политико-правовой институциональной архитектоники обновленным представлениям об идеальном социальном устройстве приводит к росту социального недовольства, может принимать форму бунтов, революций, в результате которых полностью меняются организационная среда и управляющие институты.

Можно привести и противоположные примеры, когда институты оказывают влияние на поведение политических акторов, направление общественных движений и распространение идей, как это было, например, в США. До формирования Нового курса в США институциональная фрагментация, децентрализация давали возможности субъектам бизнеса противостоять прогрессивным социальным и экономическим идеям [5, с. 708].

Институциональное противодействие обновлению, реформированию политико-правовой архитектоники можно иллюстрировать иным примером: сложившаяся в современной Швейцарии конституционная структура предполагает множественные вето, что делает достижение законодательных изменений, политических инноваций более трудным, чем в большинстве других европейских стран. Швейцарским политикам необходима массовая поддержка, они вынуждены искать поддержки у населения, общественности, чего нет в других государствах [5, с. 710].

Рассмотрим причины институциональных изменений. В основании реформы здравоохранения в США лежал комплекс идей

и институциональных факторов: предвыборная политика, интересы различных групп избирателей (организационная среда), идеи, сформированные в обществе (идеологические, культурные репертуары), а также осознание невозможности дальше сохранять статус-кво (институциональные факторы).

Выявить, какая из переменных является более влиятельной, какая группа факторов приводит к изменениям политико-правовой архитектоники — довольно проблематично. Как полагает И. Катзnelсон, наиболее адекватный подход к пониманию сущности трансформаций политико-правовых институтов предполагает «меньше внимания на значимости той или иной переменной в сравнении с другой, но больше внимания на то, как эти переменные сочетаются друг с другом в конкретных исторических обстоятельствах» [15, с. 99]. Процессы взаимодействия идей, организационной среды и управляющих институтов не прекращаются. Различные, иногда оппозиционные, идеи людей, объединенных общими интересами, вступают в противодействие друг с другом; идеи вступают в противодействие со средой и институтами, среда — с институтами. От силы и напряженности этого противодействия зависит развитие и реформирование политико-правовой архитектоники государства.

Например, в работах П. Холла переход Великобритании от кейнсианской парадигмы к монетаризму объясняется с позиций противодействия: идеи не могут быть воплощены управляющими институтами: Казначейством, Банком Англии и Кабинетом Министров [13]. В результате противодействия идеального и институционального осуществляется поступательное развитие политико-правовой институциональной архитектоники. Более того, как полагает Э. Шиклер, на примере американского Конгресса можно проследить, что ни один из участников противодействия не является полностью удовлетворенным результатами реформирования и развития [21, с. 4], вследствие этого

«ни одна реформа никогда не заканчивается полностью» [17, с. 703].

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что на протяжении исторического развития понимание идей, их роли и значения кардинально различалось: в логике одного подхода идеи оценивались как первооснова всего сущего; в логике другого — как пустые ментальные образования, не способные ничего объяснить. К концу XX века в зарубежной литературе объяснение влияния идей на социальные, политико-правовые преобразования получило развитие в логике первого подхода: исторический институционализм, конструктивизм, Advocacy Coalition Network theory и др. В классификации все эти подходы могут быть условно сведены к идеальным и институциональным. Вместе с тем подобное разделение условно, необходимо для изучения, в действительности же идеи не могут быть сведены исключительно к абстрактным ментальным образованиям или к средствам достижения поставленных целей. Особую актуальность, значимость они приобретают в кризисные, переломные моменты развития общества, принимаются за основу при выявлении наиболее значимых общественных, экономических, политических и прочих проблем, становятся основой парадигм, которые обуславливают формирование целей и инструментов их достижения, закладываются в основу публичного дискурса, призванного трансформировать существующую политико-правовую институциональную архитектуру. По сути идеи не стабильны, изменчивы. Поэтому нет прямых параллелей между идеей и содержанием политико-правового института. Компоненты политико-правового порядка — культурные и идеологические репертуары, организационная среда и институты управления — взаимосвязаны и взаимообусловлены, могут действовать согласованно, обеспечивая стабильность существующей политико-правовой архитектуры, а могут впасть в противоречие, от интенсивности и напряженности

которого будет зависеть глубина и масштабность реформирования политико-правовой сферы. Результаты реформирования никогда и никого не устраивают полностью, достижение обновления политико-правовой институциональной архитектуры влечет за собой следующее обновление.

Сегодня изучение влияния идей на формирование политико-правового облика государств Западной Европы и США обеспечивает лучшее понимание особенностей этих стран, а также, принимая во внимание глобализационные процессы, возможности прогнозирования развития политико-правовой архитектуры в России.

Литература

1. **Коллинз Р.** Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2002. 1280 с.
2. **Малинова О. Ю.** Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 90—99.
3. **Полемаева М. А.** Глобализация как культурная проблема: анализ западного научного дискурса (И. Валлерстайн и С. Хантингтон) // Вестник МГЛУ. 2012. № 644. С. 56—71.
4. **Третьяков Д. В.** Идея и её онтогносеологический статус: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. 19 с.
5. **Béland D.** Ideas, Institutions, and Policy Change // Journal of European Public Policy. 2009. № 16(5). pp. 701—718.
6. **Blyth M.** Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 298 p.
7. **Blyth M.** The transformation of the Swedish model: economic ideas, distributional conflict and institutional change // World Politics. 2001. № 54. pp. 1—26.
8. **Braun D., Capano G.** Introductory paper: The missing link-policy ideas and policy instruments. 2010 [Электронный ресурс] // ResearchGate: [сайт].

Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/296331859_Introductory_paper_The_missing_link-policy_ideas_and_policy_instruments (дата обращения 04.09.2020).

9. **Carstensen M.** Ideas Are Not as Stable as Political Scientists Want Them to Be: A Theory of Incremental Ideational Change // *Political Studies*. 2011. Vol. 59. № 3. pp. 596—615.

10. Congressional record index to the proceedings and debates / United States Historical Documents Institute. 1964. 88th Cong., 2nd sess. Vol. 110. Part 10.

11. **Cox R.H.** The social construction of an imperative: why welfare reform happened in Denmark and the Netherlands but not in Germany // *World Politics*. 2001. № 53(3). pp. 463—498.

12. **Hajer M.A.** Discourse Coalitions and the Institutionalization of Practice: The Case of Acid Rain // *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning* I. F. Fischer and J. Forester. London, Duke University Press, 1993. pp. 43—67.

13. **Hall P.** Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain // *Comparative Politics*. 1993. № 25(3). pp. 275—296.

14. **Jabko N.** *Playing the Market: A Political Strategy for Uniting Europe, 1985—2005*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. 206 p.

15. **Katzenelson I.** Structure and Configuration in Comparative Politics // *Comparative Politics: Rationality, Culture, and Structure*, ed. Mark Irving Lichbach and Alan S. Zuckerman. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. pp. 81—112.

16. **Kingdon J.W.** *Agendas, Alternatives and Public Policies*. NY: HarperCollins, 1995. 254 p.

17. **Lieberman R. C.** Ideas, Institutions, and Political Order: Explaining Political Change // *The American Political Science Review*. 2002. Vol. 96. № 4. pp. 697—712.

18. **Mayhew D.R.** *Congress: The Electoral Connection*. New Haven, CT: Yale University Press, 1974. 194 p.

19. **Sabatier P. A., Jenkins-Smith H. C.** *Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach*. Boulder CO: Westview Press, 1993. 290 p.

20. **Sabatier P.A., Jenkins-Smith H.C.** The Advocacy Coalition Framework: An Assessment //

Theories of the Policy Process / ed. by P.A. Sabatier. Boulder; Colo: Westview Press, 1999. pp.117—166.

21. **Schickler E.** *Disjointed Pluralism: Institutional Innovation and the Development of the U.S. Congress*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001. 356 p.

22. **Whalen Ch.W., Whalen B.** *The Longest Debate: A Legislative History of the 1964 Civil Rights Act*. Cabin John, MD: Seven Locks Press, 1985. 289 p.

Поступила 06.10.2020

Равочкин Никита Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), nickravochkin@mail.ru

References

1. Kollinz R. *Sociologija filosofij: global'naja teorija intelektual'nogo izmenenija*. Novosibirsk: Sibirskij hronograf. 2002. 1280 s.

2. Malinova O. Ju. Idei kak nezavisimye premenные v politicheskikh issledovanijah: v poiskah adekvatnoj metodologii // *Polis. Politicheskie issledovanija*. 2010. № 3. S. 90—99.

3. Poletaeva M. A. Globalizacija kak kul'turnaja problema: analiz zapadnogo nauchnogo diskursa (I. Vallerstajn i S. Hantington) // *Vestnik MGLU*. 2012. № 644. S. 56—71.

4. Tret'jakov D. V. Ideja i ejo ontognoseologičeskij status: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. M., 2006. 19 s.

5. Béland D. Ideas, Institutions, and Policy Change // *Journal of European Public Policy*. 2009. № 16(5). pp. 701—718.

6. Blyth M. *Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth*

- Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 298 r.
7. Blyth M. The transformation of the Swedish model: economic ideas, distributional conflict and institutional change // *World Politics*. 2001. № 54. pp. 1—26.
8. Braun D., Capano G. Introductory paper: The missing link-policy ideas and policy instruments. 2010 [Jelektronnyj resurs] // ResearchGate: [sajt]. Rezhim dostupa: https://www.researchgate.net/publication/296331859_Introductory_paper_The_missing_link-policy_ideas_and_policy_instruments (data obrashhenija 04.09.2020).
9. Carstensen M. Ideas Are Not as Stable as Political Scientists Want Them to Be: A Theory of Incremental Ideational Change // *Political Studies*. 2011. Vol. 59. № 3. pp. 596—615.
10. Congressional record index to the proceedings and debates / United States Historical Documents Institute. 1964. 88th Cong., 2nd sess. Vol. 110. Part 10.
11. Cox R.H. The social construction of an imperative: why welfare reform happened in Denmark and the Netherlands but not in Germany // *World Politics*. 2001. № 53(3). pp. 463—498.
12. Hajer M.A. Discourse Coalitions and the Institutionalization of Practice: The Case of Acid Rain // *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning* I. F. Fischer and J. Forester. London, Duke University Press, 1993. pp. 43—67.
13. Hall P. Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain // *Comparative Politics*. 1993. № 25(3). pp. 275—296.
14. Jabko N. *Playing the Market: A Political Strategy for Uniting Europe, 1985—2005*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. 206 p.
15. Katznelson I. Structure and Configuration in Comparative Politics // *Comparative Politics: Rationality, Culture, and Structure*, ed. Mark Irving Lichbach and Alan S. Zuckerman. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. pp. 81—112.
16. Kingdon J.W. *Agendas, Alternatives and Public Policies*. NY: HarperCollins, 1995. 254 r.
17. Lieberman R. C. Ideas, Institutions, and Political Order: Explaining Political Change // *The American Political Science Review*. 2002. Vol. 96. № 4. pp. 697—712.
18. Mayhew D.R. *Congress: The Electoral Connection*. New Haven, CT: Yale University Press, 1974. 194 r.
19. Sabatier P. A., Jenkins-Smith H. C. *Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach*. Boulder CO: Westview Press, 1993. 290 r.
20. Sabatier P.A., Jenkins-Smith H.C. *The Advocacy Coalition Framework: An Assessment // Theories of the Policy Process* / ed. by P.A. Sabatier. Boulder; Colo: Westview Press, 1999. pp.117—166.
21. Schickler E. *Disjointed Pluralism: Institutional Innovation and the Development of the U.S. Congress*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001. 356 r.
22. Whalen Ch.W., Whalen V. *The Longest Debate: A Legislative History of the 1964 Civil Rights Act*. Cabin John, MD: Seven Locks Press, 1985. 289 r.

Submitted 06.10.2020

Ravochkin Nikita Nikolaevich, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Sciences of Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Russia), 28, Vesennaya St., Kemerovo); Associate Professor of the Chair of Humanitarian and Legal Disciplines of the Kuzbass State Agricultural Academy (Russia, 650056, Kemerovo Oblast, Kemerovo, 5, Markovtseva St.), nickravochkin@mail.ru.